ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ОБРАЗ ЖЕЛАЕМОГО ЗАВТРА

АНДРЕЙ ЦЫГАНКОВ

Государственный университет Сан-Франциско, США

ПАВЕЛ ЦЫГАНКОВ

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

В статье предпринята попытка раскрыть потенциал теории международных отношений (ТМО) в защите и продвижении национальных ценностей и интересов. Как показывает пример США, в американской ТМО, выросшей из конкретного социального контекста, проявляются как национальные особенности, так и причины исторического характера. Критический диалог между сторонниками реализма, либерализма и конструктивизма имеет общим знаменателем стремление доказать прогрессивность и превосходство американских ценностей с точки зрения глобальной безопасности, миропорядка, экономического развития и защиты прав личности. В России также есть богатый опыт идейного построения образов желаемого будущего. Обусловленные историческим развитием и социокультурными особенностями три традиции русского мышления о мире — западничество, державничество и самобытность — способны стать основой выработки жизнеспособного образа будущего страны. Вместе с тем движение российской ТМО в направлении осмысления и конкретизации данного образа будущего связано с двумя трудностями. Первая состоит в том, что не все компоненты образа в достаточной мере проработаны эмпирически, подкреплены и конкретизированы новыми экспертно-аналитическими разработками. Вторая связана со слабостями развития российской ТМО. Необходим двойной критический диалог в национальном и глобальном контекстах. Сформированная таким образом идея желаемого будущего будет укоренена национально, исключив возможность навязывания чуждых обществу идей извне или одной из традиций мышления за счёт развития других. Сегодня такой образ желаемого будущего обязан интегрировать идею сильной России, способной защитить свои интересы и ценности от внешних притязаний. В более перспективном плане этот образ должен вобрать и идеи внутреннего сообразующегося с внешними условиями развития. России предстоит решать задачи внутреннего развития в условиях внешней нестабильности и западного давления, при этом не отказываясь от ограниченного сотрудничества с теми, кто не разделяет её основные интересы и ценности. В социокультурном отношении новый синтез идей будущего должен предполагать как автономность, так и открытость ценностей России.

Ключевые слова:

Россия; теория международных отношений; образ желаемого будущего; западничество; державничество; самобытность; диалог.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2019

Дата принятия к публикации: 29.07.2019

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: andrei@sfsu.edu

В современном мире немало сложных для осмысления тенденций, связанных как с возникшим после окончания «холодной войны» феноменом глобализации, так и с новыми процессами ломки западноцентричного миропорядка. Международники в России и за её пределами пребывают в состоянии, которое можно охарактеризовать как брожение умов и утрата необходимой для глобального позиционирования страны референтной картины мира. Прогнозы делаются не более чем на год. Нередки и мнения о бессмысленности попыток размышлять о будущем, а также о необходимости «пересидеть» мировую нестабильность, вооружившись «стратегическим терпением». Вместе с тем в условиях описанного идейного вакуума такого рода терпение может означать и готовность расписаться в неспособности к системному мышлению и выстраиванию последовательной внешней политики.

Настоящая статья — попытка обратиться к теории международных отношений (ТМО), заново оценив её возможности в поиске образа желаемого будущего. Мы полагаем, что такие возможности лежат в сфере выявления взаимозависимости между национальными идеями/образами и научным оформлением экспертно-аналитических разработок. Поиск «желаемого завтра» может и должен сочетать в себе интуитивно-эмоциональное начало с когнитивно-системными обобщениями, основанными на эмпирических познаниях. Развитие ТМО в России — неперенное условие формирования в стране жизнеспособного образа желаемого будущего.

1

Любая социальная теория предполагает не только анализ фактов, но и творческое выстраивание образа общества с характерной для него системой смыслов и ценностей. Интеллектуалы участвуют в формировании желаемого видения будущего страны и мира в целом и, следовательно, ответственны за «спайку» при помощи идей нации и национальной идентичности.

ТМО, как любая другая научная дисциплина, помещена в национальный идей-

но-культурный контекст и обладает рядом функций, выходящих за пределы сугубо аналитических. Всякая ТМО конкретна, исторична и локальна, являясь проявлением определённых культурных и политических представлений о мировом порядке. В этом смысле стремление к объективности и рациональности, при всей важности для учёного, обладает социально и политически обусловленными пределами возможного. В социологии науки, связанной с именами Карла Маннгейма и Макса Вебера, считается, что научные достижения отражают господствующие социальные убеждения и стереотипы. Известны и сходные положения теории парадигм, сформулированной Томасом Куном применительно к развитию естественных наук. Убеждённости в том, что знание и реальность как таковые конструируются социальными и исторически преходящими представлениями, характерно и для конструктивистской ТМО. Не чуждо оно и марксизму, рассматривающему науку в качестве одной из надстроечных форм классового сознания.

Верна и обратная взаимосвязь. ТМО не только зависит от социального и идейного контекста, но и способна оказывать на него заметное влияние. В частности, хорошо продуманная теория, подобно яркому продукту культуры: кинофильму, художественной книге или песне — формирует представления о будущем, укрепляя в национальном сообществе готовность к новым победам и испытаниям. Распространяясь сначала в кругах специалистов, а затем и за их пределами, идеи международных специалистов способны работать на продвижение национальных ценностей и защиту национальных интересов. В частности, американские теории неправительственных организаций и гражданского общества, концепции демократического мира, однополярности, неолиберальной глобализации и норм гуманитарного вмешательства уже немало поработали на образ мирового будущего как в академических кругах, так и за их границами.

При этом научную теорию вообще и ТМО в частности нельзя смешивать с иде-

ологией. Будучи помещённой в социальный и идейный контекст, наука стремится подняться над ним и анализировать общественные процессы объективно. Объективность остаётся конечным мерилom знания и науки даже при понимании недостижимости её полного воплощения. Такая формулировка до известной степени парадоксальна, но парадоксальна и сама жизнь. Без стремления к объективности наука рискует слиться с идеологией и даже превратиться в пропаганду деятельности властей предрежащих. Любая наука исходит из стремления создать полную и рационально осмысленную картину мира, в которой согласуются между собой его различные измерения и компоненты. Любому исследователю свойственно желание понять изучаемое явление во всей его целостности и полноте.

В этой связи международнику также свойственно стремление увидеть за изучаемой им проблемой её более широкие срезы, грани и импликации. В ещё большей степени сказанное применимо к ТМО, занятой осмыслением проблем международной системы, мирового порядка и обаянной предлагать обоснованные и непротиворечивые ответы на различные и кажущиеся не связанными друг с другом вопросы. Внося свой вклад в формирование образа будущего, международник-теоретик стремится увязать между собой ответы на три основные группы вопросов. Первая из них касается международной системы, её происхождения, типа, правил и пределов функционирования. Вторая группа вопросов связана с осмыслением политической конфигурации международных субъектов, лидеров, систем альянсов, пределов и возможностей их самоутверждения в мире. Наконец, третья группа включает в себя вопросы, которые позволяют понять ареал и характер интересов и ценностей национального сообщества, а также стратегию его развития и безопасности в мире.

В качестве примера того, каким образом теория, вырастая из социального контекста, участвует в его формировании и создании образа желаемого будущего, кратко

рассмотрим опыт ТМО США. Американские идеи национальной исключительности, универсальности ценностей индивидуализма и свободного предпринимательства оказали важное влияние на формирование ТМО в мире [Hoffmann 1997]. Такая теория создавалась в стране в межвоенный период как ответ на стремление американского общества показать превосходство исповедуемых им ценностей над ценностями национализма и социализма. После окончания «холодной войны» американские теоретики, руководствуясь образом будущего как торжества национальных ценностей США, проанализировали огромный эмпирический массив, стремясь доказать их прогрессивность и превосходство с точки зрения глобальной безопасности, мирового порядка, экономического развития и защиты прав личности [Цыганков 2015]. Американская идея подспудно формировала и продолжает формировать исследовательскую повестку, используя в этом стремящиеся к объективности научные методы исследований.

В американском интеллектуально-политическом сообществе даются в целом непротиворечивые ответы на три группы сформулированных нами вопросов. Международная система и её стабильность связывается с деятельностью США, глобальным распространением и защитой американских ценностей. Система альянсов также изучается с точки зрения того, соответствует ли она реализации внешнеполитических идеалов страны. Что касается ареала распространения интересов и ценностей США, то он видится большинству исследователей как потенциально глобальный. Предполагается, что такое распространение является лишь вопросом времени и результатом действия как местных культурных факторов, так и искусством выбора оптимальной внешней политики Вашингтона [Brooks, Ikenberry, Wohlforth 2012].

В основе такого развития ТМО в США находятся как национальные особенности, так и причины исторического характера. Если эпоха противостояния с СССР

выдвигала на передний план императивы выживания и контроля над вооружениями, то роспуск и финансовое банкротство советской сверхдержавы поставили Америку и её интеллектуальное сообщество в новые условия. Подавляющее большинство её представителей и сегодня убеждены в прогрессивности американской гегемонии, а в академической науке заметно стремление обосновать важность глобализации с американским лицом, альтернативой которой видится глобальная неуправляемость. Реалисты, или теоретики баланса власти в мировой политике, нередко отстаивают теорию стабильности однополярного мира [Ikenberry, Mastanduno, Wohlforth 2011; Monteiro 2014; Lieber 2016]. Либералы настаивают на необходимости глобального распространения американских идеалов демократии и рыночной экономики [Drezner 2014]. А конструктивисты выдвигают концепции глобального изоморфизма культурных норм, возникших в глубинах западной цивилизации [Barnett, Finnemore 2004; Katzenstein 2009; Finnemore 2011].

У теоретиков глобального мира «с американским лицом» имеются свои влиятельные оппоненты. Среди них заметны левые, постструктуралистские и реалистские теории. Последние, в частности, указывают на перенапряжение США и связанную с этим опасность руководить миром из единого центра [Zakaria 2012; Acharya 2014; Bremmer 2018]. Тем не менее вопреки новым процессам «национализации» курса страны, связанным с приходом к власти Дональда Трампа, теоретики глобального мира продолжают настаивать на оптимальности своего образа будущего как способного уберечь человечество от войн и гарантировать ему процветание и свободу. До тех пор пока США продолжают быть глобальным военным и экономическим лидером, есть основания полагать, что критики глобализации останутся в оппозиции, а сторонники американского доминирования будут задавать тон и в академических исследованиях и средствах массовой информации и пропаганды.

2

У России также имеется богатый опыт идейного конструирования образов желаемого будущего. Каждый из отечественных конструктов содержит в себе как потенциал «склеивания» национального сообщества, так и некоторые связанные с его абсолютизацией опасности. Правоммерно говорить по крайней мере о трёх традициях русского мышления о мире [Цыганков 2018].

Представители первой ориентируются на подражание Западу, полагая его необходимым для модернизации российской экономической и политической системы. *Западническая традиция* мышления исходит из приоритета ценностей, защищавшихся странами или движениями Европы и Северной Америки. Её представители убеждены во вторичном и несамостоятельном характере России, призванной отстаивать и утверждать заимствованные ценности либо в одиночку, либо в союзе с западноевропейскими народами. Их рекомендации в отношении внешней политики страны нередко сводятся к формированию стратегического союза с государствами Запада. Верно указывая на важность открытости и восприятия лучшего мирового опыта, западники склонны недооценивать важность для России сохранения политической и культурной самостоятельности. В целом западничество склонно поддерживать усиление зависимости России и, следовательно, самоколонизацию [Цыганков А. 2018].

Такой образ страны как зависящей от Запада, но в будущем способной стать его частью, оспаривается сторонниками независимой государственности, или *державниками*. Для них идеал будущего — развитие России как великой суверенной державы, способной противостоять сильнейшим мира сего, прежде всего США и Европе, хотя с различными западными странами бывает возможным и даже необходимым развитие партнёрских и союзнических связей.

Проблема державничества заключается в его склонности переоценивать значимость силового могущества и суверенитета

и недооценивать важность одновременно-го решения вопросов внутреннего развития общества. Имея в виду многочисленные внешние опасности, Россия традиционно стремилась демонстрировать максимальную степень независимости. В первую очередь речь идёт о военно-политическом суверенитете, требовавшем поддержания силового равновесия в мире. Нередко это вело к расходованию важнейших ресурсов в ущерб внутреннему развитию. Государство игнорировало назревшие потребности общества, видя в нём самую опасность для сложившейся системы власти и всего государства. С Петровских времен для сохранения свободы от внешних посягательств и поддержания статуса великой державы оно не жалело ни сил, ни средств, отдавая на военные нужды около четверти бюджета и требуя от народа готовности к самоотдаче. Бедность и крепостное право были средствами ускоренной мобилизации армии. Развитие осуществлялось запоздало, по мобилизационно-административным моделям, путём высокого налогообложения общества. Системные же реформы откладывались или сворачивались, не будучи завершёнными.

Наконец, сторонники *самобытности* отстаивают независимость культурных ценностей России и Русского мира. Сторонники российской самобытности руководствуются политикой ценностей, а не интересов, но в отличие от западников убеждены в превосходстве своих ценностей над западными. Например, славянофилы либо открыто провозглашали святость русской православной веры, демонстрируя при этом этноцентричное отношение к иным христианским конфессиям, либо считали Русь последней надеждой на возрождение единых с европейцами христианских идеалов. Даже изгнанные из страны сторонники религиозного ренессанса от Николая Бердяева до Георгия Федотова сохранили веру в способность России победить соблазны материальности и стать наконец Востоком Христа, а не Ксеркса. Подобным же образом ставшие свидетелями экономического упадка западной цивили-

зации представители русского коммунизма видели в своей стране спасительницу человечества, выступая за разрыв с «центром» мирового капитализма. Евразийцы поддерживают сохранение России в качестве особого культурно-цивилизационного типа при отказе от попыток стать частью Запада и создании устойчивого союза с евразийскими народами.

Представителей самобытного мышления при всей важности развития русской системы ценностей нередко характеризует убеждённость в собственной исключительности и склонность к обособлению от внешнего мира. Ряд представителей этой школы мысли видят в западной цивилизации главный источник угроз, отказываясь от возможностей налаживания взаимовыгодного диалога. В качестве оптимального будущего часто рассматривается восстановление имперской самодостаточности России в границах её социокультурного ареала.

Таким образом, каждый из сформулированных идейных систем и образов будущего обусловлен историческим развитием страны и по-своему важен, но при этом ограничен и нуждается в дополнении. Жизнеспособный образ желаемого завтра должен синтезировать в себе элементы каждой из рассмотренных систем. Он должен обеспечивать возможности для развития внутреннего диалога на основе некоторых общих национальных ценностей и интересов. Постоянная критическая дискуссия необходима не только в национальном, но и в общемировом контексте. Только в процессе такого двойного диалога могут возникнуть жизнеспособные глобально реализуемые идеи.

В целях обеспечения внутреннего единства общества формирование образа будущего должно проходить на основе широкой дискуссии, избегая крайних формулировок. В российском обществе были и будут носители альтернативных или оппозиционных представлений о желаемом завтра. Это нормально. Как нормально, например, развитие альтернативных образов и идей и в США, где у концепции глобаль-

ного американского мира существует немало критиков. В частности, если российский образ будущего будет сформирован на основе православных и державных идей, то нетрудно ожидать критики как со стороны западников, так и тех, кто вкладывает свой собственный смысл в русскую традицию. Важно, чтобы разделяемое большинством видение не навязывалось сверху, а сложилось в результате дискуссии и сопоставления циркулирующих в российском интеллектуально-политическом сообществе аргументов. Сформированная таким образом идея желаемого будущего будет укоренена национально, исключив возможность навязывания чуждых обществу идей извне или одной из традиций мышления за счёт развития других. В этом случае оппозиционные сложившемуся образу идеи окажутся маргинализированы, не подрывая идейного единства общества.

Каким может быть наиболее приемлемый для страны синтез представлений о будущем? До недавнего времени одним из таких синтезов являлся образ России, становящейся частью доминирующего в глобальном мире евроатлантического сообщества, сохраняя при этом статус и возможности великой державы. Предполагалось, что приоритетность решения задач экономического и внутреннего развития, интеллектуальной и политической свободы будет соединена с идеалами сильного и независимого государства [Цыганков, Цыганков 2017]. Такого рода либерально-державное видение пропагандировалось с середины 1990-х годов в работах многих российских международных, повлияв на практическую деятельность Евгения Примакова и затем Владимира Путина в течение значительной части 2000-х.

Дальнейшее развитие образа страны как компонента большой Евроатлантики натолкнулось на политику США и ЕС, по существу отказавшим России в праве быть частью западного мира без того, чтобы не пожертвовать самостоятельностью внешней и отчасти внутренней политики. В 2000-х годах дополнительной проблемой для такого рода интеграции в западные

структуры стали и внутренние изменения в стране, связанные с консолидацией системы «управляемой демократии». Курс на вытеснение России из Европы посредством расширения НАТО и нарастание единоличных решений США по укреплению однополярного мирового господства дезавуировал перспективы евроатлантического синтеза. В 2000-х годах один из наиболее активных сторонников либерально-державного синтеза, А.Д. Богатуров, по существу, признал, что он жизнеспособен, лишь если главный силовой центр системы готов руководствоваться общим благом, а не единоличными амбициями [Богатуров 2004]. Деструктивность Запада, позднее выразившаяся и в политике санкционного изматывания и политической изоляции России, опрокинула прежние расчёты и поставила в повестку дня формирование иного образа будущего.

Сегодня он обязан интегрировать идею сильной России, способной защитить свои интересы и ценности от внешних притязаний. В долгосрочном плане этот образ должен вобрать и идеи внутреннего, соотносящегося с внешними условиями развития. Рамками для него выступают сегодня политическая и экономическая неустойчивость мира, связанная со смещением глобального баланса сил и кризисом глобальной управляемости. России предстоит решать задачи внутреннего развития в условиях внешней нестабильности и западного давления, при этом не отказываясь от ограниченного сотрудничества с теми, кто не разделяет её основные интересы и ценности.

В социокультурном отношении новый синтез идей будущего должен предполагать как автономность, так и открытость России. Общая дискуссия по этим проблемам — необходимое для решения вопроса о ценностях идейного пространства условие. В содержательном плане российские ценности могут быть сформулированы как не противоречащие идеалам державничества или западничества, но делающие их реализацию возможной на более широком культурно-цивилизационном основании. Идея самобытности не должна быть при-

несена в жертву западничеству и державничеству. Державничество и стремление к диалогу с Западом — необходимые, хотя и недостаточные условия развития русских ценностей.

Вопрос о том, какие из русских¹ ценностей следует мобилизовать и развивать в современных условиях, является центральным. В его обсуждении важно, *во-первых*, понимание собственных корней и автономии русской ценностной системы, которая не может быть суммирована понятиями «Европа» или «Евразия». *Во-вторых*, нет необходимости жёстко противопоставлять русские ценности иным. Россия может сближаться как с Западом, так и Востоком, быть частью большой Европы и большой Евразии, но при этом оставаться Россией с её длительной и глубокой приверженностью базовым, укоренённым в православии идеям морали и справедливости.

Осознание себя в качестве цивилизации с самостоятельной системой политико-экономических, исторических и культурных ценностей не означает, что у России нет общего с другими странами и регионами. Цивилизации не только конкурируют, но и пересекаются и активно взаимодействуют друг с другом. У России как страны, находящейся на географическом пересечении Запада, Востока и Азии, имеются особые возможности для диалога с другими. Ценностные системы могут выстраиваться на различных уровнях. В каких-то аспектах России будет легче находить общий язык с одними странами, а в каких-то — с другими. Например, в вопросах прав человека и либеральной демократии трения с западными странами будут неизбежны, но у России есть немало общего с Европой с точки зрения общей истории, культуры и стремления создавать ответственное государство. Подобного рода ценностные иерархии следует выстраивать и в отношениях с другими странами. В целом мир

ценностей напоминает не хантингтоновскую картину столкновения цивилизаций, а сложную картину их взаимопересечения и иерархического взаимодействия.

З

Если образ желаемого российского будущего сегодня связан с идеями цивилизационного самоопределения, диалога с Западом и утверждения страны в качестве великой державы, то каким образом он может быть развит и конкретизирован при помощи ТМО? Задача теории — проиллюстрировать его, наполнить его содержанием или, если необходимо, уточнить и скорректировать, предложив на основе имеющихся научных разработок системный ответ на сформулированные вопросы о международной системе, конфигурации игроков и стратегии развития России. Движение российской ТМО в направлении осмысления и конкретизации данного образа будущего связано с двумя трудностями.

Во-первых, не все его компоненты в достаточной мере проработаны эмпирически, конкретизированы новыми экспертно-аналитическими разработками. Например, российские международники не дали пока убедительного ответа на вопрос о характере современного этапа мировых сдвигов и формирующихся правил глобального порядка. Представители западного мышления исходят из того, что ослабевшие позиции Запада в мире могут в ближайшем будущем усилиться. Для этой школы мысли он остаётся лидером политического, технологического и экономического развития, а созданный западными странами миропорядок — в целом рациональным и нуждающимся в улучшении, а не трансформации [Кортунов 2016]. Для державников трансформация миропорядка неизбежна, ибо определяется изменившимся за последнее десятилетие глобальным балансом сил. Поэтому образ желае-

¹ В нашем понимании русского нет этнической подоплёки. Русские как народ возникли и начали процесс своих размышлений о мире задолго до возникновения российского государства петербургского периода. Следовательно, Россия есть более позднее образование, и в историческом смысле российское есть часть русского, а не наоборот.

мого будущего воспринимается как движение к трёхстороннему глобальному концерту держав в составе США, Китая и России [Никонов 2017]. По мысли державников, такой концерт мог бы способствовать формированию новых глобальных правил по поддержанию относительной открытости в мире, контролю над вооружениями, борьбе с терроризмом и региональной стабилизации в Европе, Азии и на Ближнем Востоке. Наконец, представители школы самобытного развития подчёркивают углубление в мире процессов культурно-цивилизационной дифференциации и в качестве оптимального будущего рассматривают регионализацию, а не глобализацию [Межуев 2017].

В силу такого рода разногласий в российском сообществе международников нет единства и относительно оптимального для России поведения. В условиях изменившихся приоритетов США и возможного смещения глобального баланса сил после смены власти на Украине и избрания Дональда Трампа президентом США обсуждаются, по крайней мере, две возможные модели поведения. Первая исходит из необходимости продолжать политику наступательности, отстаивать вопреки западным санкциям свои позиции в мире и сотрудничать с западными странами исключительно с позиций признания ими законности российских интересов и ценностей. Вторая модель поведения предполагает, что в ближайшие годы стабилизировать международные отношения не удастся, а у России недостаточно внутренних ресурсов для демонстрации силы и внешнеполитической наступательности. В этой связи следует, по мере возможности, сосредоточиться на внутреннем развитии и минимизировать участие в мировых делах, готовя базу для дальнейшего активного возвращения в международную политику [Миллер, Лукьянов 2016].

Недостаточно проработанным представляется и вопрос цивилизационных ценностей и их географического ареала. В зависимости от того, что акцентируется в цивилизационном самоопределении —

особенности политико-экономической системы или обстоятельства общей памяти и этнокультурных корней — такой географический ареал может существенно отличаться, выходя или не выходя за пределы Евразийского региона. Одно дело — рассматривать будущее через призму постепенного утверждения принципов сильного, социально ответственного, а не либерального государства [Цыганков 2015]. Другое — исходить из того, что «мягкая сила» России не может распространяться далеко за пределы Евразийского и Восточноевропейского регионов и что за вычетом советского периода российское влияние было не глобальным, а локальным. И то, и другое утверждения эмпирически проверяемы и нуждаются в подтверждении на основе современного материала.

Вторая проблема, затрудняющая научное осмысление и развитие желаемого образа будущего, не менее серьёзна и связана со слабостями развития российской ТМО. Согласование и систематизация различных, основанных на идеях державничества, западничества и культурной самобытности его компонентов требует значительных теоретических усилий и широкой, отсутствующей сегодня дискуссии среди международников-теоретиков. Между тем российское сообщество исследователей, хорошо знакомых с состоянием ТМО в мире и готовых к обсуждению и формированию общетеоретических построений, слишком мало. Значительных же теоретиков, сопоставимых по масштабу с учёными из США вроде Джона Айкенберри, Нуно Монтейро или Рэндалла Швеллера, и того меньше.

Российские международные исследования в основном освободились от доминирующего влияния западной теории, но пока не создали собственной теоретической школы и всё ещё находятся на стадии накопления экспертно-эмпирического знания [Цыганков, Цыганков 2015]. Здоровый скептицизм по отношению к западной ТМО нередко оборачивается скептицизмом к любой теории как чему-то экзотическому и далёкому от жизни. В России рабо-

тает немало компетентных аналитиков и специалистов по регионам и отдельным вопросам международных отношений, сложились первоклассные мозговые центры, экспертные институты и форумы. Пройдёт время, и накопление эмпирического знания и теоретических концептов среднего уровня подготовит отсутствующее пока понимание важности развития общей ТМО.

Чёткая проработка образа желаемого будущего упирается в слабости развития международных исследований вообще и ТМО в частности. Для дальнейшего изучения и обобщения необходимого материала

требуются время и целенаправленные усилия. Важно помнить, что формирование желаемого образа будущего страны и мира невозможно без развития теории, связываемой не только с анализом фактов, но и творческим выстраиванием представлений об обществе. Невозможно такое формирование и без осознания интеллектуалами своей ответственности перед страной и народом, к которому они принадлежат. Выработка жизнеспособного образа будущего в конечном счёте есть плод усилий теоретиков, а развитие теории — одна из гарантий того, что желаемое будущее станет для России реальностью.

Список литературы

- Богатуров А.Д. «Стратегия перемалывания» в международных отношениях и внешней политике США. М.: Едиториал Урсс, 2004. 48 с.
- Кортунов А. Неизбежность странного мира. Российский совет по международным делам. 2016. URL: http://old.russiancouncil.ru/inner/?id_4=7930#top-content (дата обращения: 03.08.2019).
- Никонов В. Назад, к Концерту. Россия в глобальной политике. 2017. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Nazad-k-Kontcertu-19191> (дата обращения: 03.08.2019).
- Межуев Б. «Остров Россия» и российская политика идентичности. Россия в глобальной политике. 2017. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ostrov-Rossiya-i-rossiiskaya-politika-identichnosti-18657> (дата обращения: 03.08.2019).
- Миллер А., Лукьянов Ф. Отстранённость вместо конфронтации. Россия в глобальной политике. 2017. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Otstranennost-vmesto-konfrontatscii--18477> (дата обращения: 03.08.2019).
- Цыганков А.П. Сильное государство: теория и практика в 21 веке. Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2015. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-15/> (дата обращения: 03.08.2019).
- Цыганков А.П. Отложенный полицентризм. Россия в глобальной политике. 2014. URL: <https://globalaffairs.ru/number/otlozhennyi-politcentrizm-16924> (дата обращения: 03.08.2019).
- Цыганков А.П. Русская международная теория: три традиции. М.: РУСАЙНС, 2018. 334 с.
- Цыганков А.П., Цыганков П.А. Просвещённое державничество (А.Д. Богатуров и российская теория международных отношений) // Полис. 2017. № 4. С. 175–185.
- Цыганков А.П., Цыганков П.А. Теория международных отношений в российской науке: путь к национальному самоопределению // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2015. (Серия «Российская политическая наука: Истоки и перспективы» / Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной). С. 257–274.
- Acharya A. The End of American World Order. London: Polity, 2014. 96 p.
- Barnett M., Finnemore M. Rules for the World: International Organizations in Global Politics. Ithaca: Cornell University Press, 2004. 226 p.
- Bremmer I. Us vs. Them: The Failure of Globalism. New York: Portfolio. Penguin, 2018. 208 p.
- Brooks S.G., Ikenberry G.I., Wohlforth W.C. Don't Come Home, America // International Security. 2013. Vol. 37. No. 3. P. 7–51.
- Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives / ed. by P. Katzenstein. London: Routledge, 2009. 248 p.
- Drezner D.W. The System Worked. How the World Stopped Another Great Depression. New York: Oxford University Press, 2014. 288 p.
- Finnemore M. Legitimacy, Hypocrisy, and the Social Structure of Unipolarity: Why Being a Unipole Isn't All It's Cracked up to Be // World Politics. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 58–85.
- Hoffmann S. "An American Social Science: International Relations" // International Theory: Critical Investigations / ed. by J. Der-Derian. New York: New York University Press, 1995. 407 p.

- International Relations Theory and the Consequences of Unipolarity / ed. by J. Ikenberry, M. Mastanduno, W. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 392 p.
- Lieber R.L. Retreat and Its Consequences: American Foreign Policy and the Problem of World Order. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 152 p.
- Monteiro N. Theory of Unipolar Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 294 p.
- Zakaria F. The Post-American World. Release 2.0. New York: W. W. Norton & Company, 2012. 336 p.

THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND IMAGE OF DESIRED FUTURE

ANDREI TSYGANKOV

San Francisco State University, San Francisco CA 94132, USA

PAVEL TSYGANKOV

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract

The article seeks to utilize potential of International Relations Theory (IRT) for revealing and promoting national values and national interests. As demonstrated by the example of the United States, IRT develops in a particular social context and expresses national and historical characteristics. Critical dialogue among American realist, liberal, and constructivist theories is based on ideological beliefs in progressive nature of US values, understanding of global security, world order, economic development and human rights. Russia also possesses a rich experience of images of a desired future. Three traditions of Russian international theory – Westernism, Statism, and Civilizationism – have emerged from the country's historical experience and may serve as foundations for formulating a vital image of a future. At the same time, progress of Russian IRT in the direction of development and empirical justification of such image meets with two serious obstacles. The first one has to do with lacking empirical research and new expert analyses of realities that must underpin a realistic national image of a future. The second obstacle results from weaknesses of Russian contemporary IRT. What is required for developing Russian IRT is a dual critical dialogue at both national and global levels. An idea of desired future formed on the basis of such dialogue will have strong national roots and will be protected from possible foreign interferences. Today, the image of a desired future must integrate an idea of strong Russia capable of defending its interests and values from outside interferences. In a longer run, such image must also include an idea of internal development in coordination with global trends and conditions. Russia must solve tasks of internal development under conditions of global instability and Western pressures. It should also continue the practice of limited cooperation with those who do not share its interests and values. Finally, such image should assume Russia that is both culturally autonomous and open to the outside world.

Keywords:

Russia; international relations theory; image of desired future; Westernism; Statism; Civilizationism; dialogue.

References

- Barnett M., Finnemore M. (2004). *Rules for the World: International Organizations in Global Politics*. Ithaca: Cornell University Press. 226 p.
- Bogaturov A.D. (2004). «*Strategiya peremalyvaniya*» v mezhdunarodnyh otnosheniyah i vneshnej politike SSHA [‘Strategy of Milling’ in International Relations and in the U.S. Foreign Policy]. M.: Editorial Urss. 48 p.

- Bremmer I. (2018). *Us vs. Them: The Failure of Globalism*. New York: Portfolio. Penguin. 208 p.
- Brooks S.G., Ikenberry G.I., Wohlforth W. C. (2013). Don't Come Home, America. *International Security*. Vol. 37. No. 3. P. 7–51.
- Drezner D.W. (2014). *The System Worked. How the World Stopped Another Great Depression*. New York: Oxford University Press. 288 p.
- Finnemore M. (2009). Legitimacy, Hypocrisy, and the Social Structure of Unipolarity: Why Being a Unipole Isn't All It's Cracked up to Be. *World Politics*. Vol. 61. No. 1. P. 58–85.
- Hoffmann S. (1995). An American Social Science: International Relations. In Der-Derian J. (ed.) *International Theory: Critical Investigations*. New York: New York University Press. 407 p.
- Ikenberry J., Mastanduno M., Wohlforth W. (2011). *International Relations Theory and the Consequences of Unipolarity*. Cambridge: Cambridge University Press. 392 p.
- Katzenstein P. (Ed.). (2009). *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives*. London: Routledge, 2009. 248 p.
- Kortunov A. (2016). Neizbezhnost' strannogo mira [Inevitability of strange world]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*. URL: http://old.russiancouncil.ru/inner/?id_4=7930#top-content (accessed 03.08.2019).
- Lieber R.L. (2016). *Retreat and Its Consequences: American Foreign Policy and the Problem of World Order*. Cambridge: Cambridge University Press. 152 p.
- Mezhuev B. (2017). «Ostrov Rossiya» i Rossijskaya Politika Identichnosti ["Island of Russia" and Russian Identity Policy]. *Rossii v global'noi politike*. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ostrov-Rossii-i-rossijskaya-politika-identichnosti-18657> (accessed 03.08.2019).
- Miller A., Luk'yanov F. (2016). Otstranennost' Vmesto Konfrontatsii. [Distraction instead of Confrontation]. *Rossii v global'noi politike*. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Otstranennost-vmesto-konfrontatsii--18477> (accessed 03.08.2019).
- Monteiro N. (2014). *Theory of Unipolar Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 294 p.
- Nikonov V. (2017). Nazad, k Koncertu [Back to concert]. *Rossii v global'noi politike*. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Nazad-k-Kontcertu-19191> (accessed 03.08.2019).
- Tsygankov A.P. (2015). Otlozhennyi Polittsentrizm [Deferred Policentrism]. *Rossii v global'noi politike*. URL: <https://globalaffairs.ru/number/otlozhennyi-politcentrizm-16924> (accessed 03.08.2019).
- Tsygankov A.P. (2015). Sil'noe Gosudarstvo: Teoriia i Praktika v 21 Veke [Strong State: Theory and Practice in 21 century]. *Mezhdunarodnyi Diskussionnyi Forum Valdai*. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-15/> (accessed 03.08.2019).
- Tsygankov A.P. (2018). *Russkaya Mezhdunarodnaya Teoriya: Tri Tradicii* [Russian International Theory: Three Traditions]. Moscow: Rusains. 334 p.
- Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2015). Rossijskaya teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij: put' k natsional'nomu samoopredeleniyu [Russian Theory of International Relations : the Pathway to National Self-Determination]. In : Gaman-Golutvina O.V. (ed.) *Strukturnye transformatsii i razvitie otechestvennykh shkol politologii*. Moscow: Aspekt Press. (Seriya «Rossijskaya politicheskaya nauka: Istoki i perspektivy». Pod obshch. red. O.V. Gaman-Golutvinoj). P. 257–274.
- Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2017). Prosveshchennoe Derzhavnichestvo (A.D. Bogaturov i Rossijskaya Teoriya Mezhdunarodnyh Otnoshenij) [Enlightened Statism (A.D. Bogaturov and Russian International Relations Theory)]. *Polis*. No. 4. P. 175–185.
- Zakaria F. (2012). *The Post-American World. Release 2.0*. New York: W. W. Norton & Company. 336 p.